

Вопросы философии и психологии: Книга 93.

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В74

В74 Вопросы философии и психологии: Книга 93. / – М.: Книга по Требованию,
2012. – 228 с.

ISBN 978-5-458-04741-8

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04741-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Онъ ставитъ Конту въ упрекъ его односторонность, самоувѣренность, узость и предвзятость его взглядовъ. Онъ говоритъ между прочимъ¹⁾: „Обзоръ математики у Конта представляетъ явленіе въ высшей степени странное: едва ли гдѣ-нибудь можно встрѣтить такую шаткость познаній и несостоятельность разсужденій; съ трудомъ вѣрится, чтобы это могло быть написано человѣкомъ, получившимъ основательное математическое образованіе... Всякій внимательный читатель придетъ къ убѣжденію, что этотъ обзоръ есть нѣчто фальшивое, недодуманное, но съ самоувѣренностью выдаваемое за результатъ глубокомысленныхъ философскихъ соображеній“. И эти обвиненія не остаются голословными: В. Я. Цингеръ подтверждаетъ свой приговоръ подробнымъ и тонкимъ разборомъ важнѣйшихъ пунктовъ ученія Конта о математикѣ и механикѣ²⁾.

Гораздо выше Конта ставитъ В. Я. Цингеръ его знаменитаго послѣдователя Дж. Ст. Милля. „Джонъ Ст. Милль,—говоритъ онъ³⁾,—принадлежитъ къ числу самыхъ талантливыхъ и самыхъ популярныхъ писателей нашего времени; иногда его считаютъ даже первымъ современнымъ мыслителемъ. Во всѣхъ многочисленныхъ сочиненіяхъ его вмѣстѣ съ обширнымъ образованіемъ и начитанностью обнаруживается блестящій полемическій талантъ и рѣзкое остроуміе“. Но онъ выдвигаетъ и недостатки Милля: разбросанность, бессистемность и тенденціозность его мысли; „онъ по природѣ—софистъ, опутывающій читателя и самого себя блестящею смѣсью фактовъ цитатъ и остроумныхъ оборотовъ“. Въ особенности несостоятельными кажутся В. Я. Цингеру воззрѣнія Милля на природу математическаго познанія и его эмпирическая теорія происхожденія математическихъ истинъ изъ индуктивныхъ обобщеній фактовъ опыта. Страницы, посвященныя критикѣ этой теоріи, могутъ считаться лучшими въ разсматриваемой статьѣ по образцо-

1) Стр. 46—47.

2) Тамъ же, стр. 47—59.

3) Тамъ же, стр. 64—65.

вой ясности изложенія и принципиальной важности руководящихъ взглядовъ. Между прочимъ В. Я. Цингеръ съ особымъ вниманіемъ вскрываетъ элементарныя ошибки въ толкованіи Милля доказательства пятой теоремы Эвклида ¹⁾).

Я живо помню, какой потрясающій эффектъ произвела эта первая философская статья В. Я. Цингера на нѣкоторыхъ ея читателей, какъ много о ней спорили и какъ горячо обвиняли ея автора за рѣзкость его мнѣній. Что же вдохновило В. Я. Цингера на отважную борьбу съ столь признанными авторитетами? Несомнѣнно, его побуждали къ ней глубочайшія основы всего его міросозерцанія. Наперекоръ широкому господству односторонняго эмпиризма и матеріализма въ его время, онъ за всю свою долгую жизнь оставался убѣжденнымъ защитникомъ духовной сущности сознанія. Въ своей рѣчи на IX Съѣздѣ естествоиспытателей и врачей 1894 г., озаглавленной: „Недоразумѣнія во взглядахъ на основанія геометріи“, В. Я. Цингеръ говоритъ: „Послѣдователь эмпиризма уподобляется человѣку, который сталъ бы отрицать всякій смыслъ написаннаго или печатаннаго на бумагѣ на томъ безспорномъ основаніи, что этого смысла нельзя открыть никакими микроскопическими изслѣдованіями бумаги и чернилъ“ ²⁾. Соотвѣтственно этому, онъ указываетъ два источника человѣческаго познанія: 1) непосредственное сознаніе разума о томъ содержаніи, которое дано въ немъ самомъ, и 2) чувственныя показанія внѣшняго опыта. Теоретическая цѣна этихъ двухъ источниковъ, по воззрѣнію В. Я. Цингера, весьма различна. „Чувственныя воспріятія съ принудительною силою удостоверяють насъ въ существованіи какого-то чуждаго намъ, загадочнаго и полнаго тайнъ матеріальнаго міра, постиженіе котораго составляетъ неисчерпаемую задачу и неотразимую привлекательность естествознанія. Но эти данныя чувственнаго опыта, именно вслѣдствіе ихъ чуждаго происхожденія и неустранимаго несовершенства доставляющихъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 79—82.

²⁾ „Недоразумѣнія во взглядахъ“, стр. 5.

ихъ орудій, никогда не могутъ имѣть той безусловной достовѣрности и точности, какая свойственна идеальнымъ показаніямъ разума, на которыхъ зиждется, между прочимъ, и математическое познаніе“. По глубокому убѣжденію В. Я. Цингера, только науки, имѣющія характеръ умозрительный, какъ математика, способны обладать совершенною ясностью и непоколебимостью своихъ заключеній, будучи по своему содержанію насквозь проницаемы для нашего ума: въ нихъ мы имѣемъ дѣло съ нашими собственными идеальными построеніями въ ихъ необходимо мыслимыхъ отношеніяхъ между собою. Напротивъ, предметы опыта доступны точному изслѣдованію лишь въ мѣру своего предварительнаго упрощенія, идеализаціи и обобщенія, т.-е. такихъ умственныхъ операцій, которыя сближаютъ эти предметы съ объектами умозрительнаго знанія. Однако въ опытѣ всегда остается нѣкоторый элементъ, чуждый для нашего сознанія: лучшимъ тому доказательствомъ служить фактъ, что въ научномъ языкѣ нѣтъ понятія болѣе неяснаго и неопредѣлимаго, чѣмъ то, которое выражается словомъ „вещество“ или „матерія“. Съ другой стороны, даже такая точная наука, какъ механика, обладаетъ совершенною и апріористическою достовѣрностью только въ томъ своемъ отдѣлѣ, который изучаетъ движеніе и носитъ названіе кинематики: это объясняется глубокою связью этой части механики съ геометрией. „Кинематическія представленія такъ близки и сродны съ геометрическими, что очень часто для наглядности чисто-геометрическихъ изслѣдованій, мы невольно прибѣгаемъ къ представленіямъ перемѣщенія, измѣненія формы и т. п.“¹⁾ Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ динамическими законами механики: „мы можемъ съ одинаковою отчетливостью представить себѣ, что два движущіяся тѣла при столкновеніи совершенно свободно проникаютъ другъ друга, какъ и то, что они при этомъ раздробляются или какъ угодно видоизмѣняются“. Поэтому основные законы механики остаются

1) „Точныя науки и позитивизмъ“, стр. 89.

въ сущности недоказанными, а признанными произвольно. Такъ, законъ инерціи, очевидно, не можетъ быть вполнѣ доказанъ ни умозрительнымъ, ни опытнымъ путемъ. „Этотъ законъ выводится изъ соображеній, въ которыхъ дѣйствительныя показанія опыта разсматриваются въ предѣльной, недостижимой формѣ“. Никогда никакой опытъ не могъ рѣшить, чтобы движеніе приближалось къ равномерному безпредѣльно. „Можно даже сказать, что для большаго согласія съ опытомъ слѣдовало бы признать не законъ инерціи, а законъ убыванія скорости въ нѣкоторой, хотя бы и медленной, прогрессіи“. Вообще всякое опытное знаніе представляетъ очень сложное сплетеніе умозрительныхъ и чисто-опытныхъ элементовъ; но только его умозрительныя элементы доставляютъ его утвержденіямъ истинную необходимость и всеобщность. Поэтому умозрительнымъ началамъ всегда должно принадлежать первенство въ наукахъ ¹⁾.

Въ виду такого общаго взгляда, понятно отрицательное отношеніе В. Я. Цингера ко всѣмъ попыткамъ обосновать эмпирическое происхожденіе математическихъ аксіомъ. Не менѣе энергично возстаетъ онъ противъ мнѣнія, будто новыя математическія изслѣдованія въ области геометрической науки—Гаусса, Лобачевского, Римана, Гельмгольца и др.—совершенно подрываютъ достовѣрность общепринятой Эвклидовой геометріи. Онъ никакъ не отрицаетъ глубокой пользы подобныхъ изысканій: „ими, съ одной стороны, вызывается разработка новыхъ аналитическихъ приѣмовъ; съ другой стороны, полученные результаты находятъ примѣненіе въ разныхъ отдѣлахъ математики и въ свою очередь являются усовершенствованными орудіями изслѣдованія“ ²⁾. Но все же эти новыя математическія изысканія не только не измѣнили, но и не могли измѣнить прежнихъ основаній геометріи. Достовѣрность этихъ основаній опирается на такой критерій, отвергнувъ который, мы уничтожимъ вся-

¹⁾ „Недоразумѣнія во взглядахъ“, стр. 5, 6 и д.

²⁾ Тамъ же, стр. 4.

кую достовѣрность чего бы то ни было. Основанія геометріи вытекаютъ изъ очевидности,—изъ той очевидности, которая есть *само пространство*,—не какъ отвлеченное понятіе, но какъ живое, дѣятельное представленіе въ нашемъ умѣ. Въ этомъ представленіи мы имѣемъ дѣло съ простѣйшимъ умственнымъ актомъ, не допускающимъ ни сомнѣній, ни доказательствъ. Въ немъ выражается наша коренная способность воображенія или созерцанія (*Anschauung*), которую вѣрнѣе всего было бы называть *умозрѣніемъ*, если бы это слово не употреблялось въ иномъ значеніи. Эта способность не подчиняется никакимъ физическимъ законамъ,—она вполнѣ самобытна,—можно только говорить объ ея подчиненіи законамъ математическимъ, но и это лишь потому, что математическіе законы составляютъ ея существенную принадлежность и основное свойство. Мы можемъ мысленно устранить всѣ матеріальные предметы, но „тогда передъ нашимъ умственнымъ взоромъ предстанетъ образъ безграничной, бесконечной, непрерывной, повсюду и по всѣмъ направленіямъ однообразной пустоты,—того абсолютнаго простора, который оказывается необходимою средою и вмѣстилищемъ всѣхъ внѣшнихъ явленій и всѣхъ нашихъ представленій, и который носитъ названіе пространства. Это есть чистое, никакимъ внѣшнимъ чувствамъ недоступное и отъ нихъ совершенно независящее представленіе, съ совершенно полнотою и ясностію открытое для нашего ума. Все, что мы вполнѣ отчетливо усматриваемъ въ пространствѣ, имѣетъ для насъ непосредственную достовѣрность и очевидность. Только благодаря представленію пространства, мы имѣемъ ясныя понятія о раздѣльности и непрерывности, о числѣ и величинѣ, о томъ, что есть цѣлое и что часть, что больше и что меньше и т. д. Какъ аксіомы геометріи, такъ и первыя положенія ариеметики и анализа получаютъ характеръ безспорныхъ истинъ только чрезъ представленіе пространства“¹⁾. Но если такимъ образомъ въ основѣ всякой мате-

¹⁾ Тамъ же, стр. 9.

матической очевидности лежитъ очевидность нашихъ пространственныхъ созерцаній, то никакой абстрактный анализъ не можетъ измѣнить ихъ или подвергнуть сомнѣнію ихъ показанія: вѣдь въ послѣдней инстанціи онъ всегда самъ опирается на эти созерцанія.

Таковы взгляды, которые В. Я. Цингеръ постоянно проповѣдовалъ устно и въ печати, и которые дѣлаютъ его однимъ изъ чрезвычайно оригинальныхъ русскихъ послѣдователей философіи Канта, мало похожимъ на другихъ неокантистовъ современнаго типа. Для него интуиція пространства есть первоначальная функція разума, лежащая въ основѣ всѣхъ другихъ его функцій: безъ представленія о пространствѣ не можетъ возникнуть ни одно содержательное умственное дѣйствіе и ни одно изъ тѣхъ общихъ понятій, съ которыми постоянно обращается наша мысль. Поэтому роль пространственной интуиціи В. Я. Цингеръ понимаетъ нѣсколько шире, чѣмъ Кантъ: въ ея оцѣнкѣ онъ скорѣе сближается съ Фихте. У Канта пространство есть специфическая форма чувственнаго воспріятія явленій внѣшняго опыта; въ глазахъ В. Я. Цингера интуиція пространства коренится въ самосозерцаніи разума вообще и поэтому есть условіе всякаго умозрѣнія.

Съ этимъ тѣсно связана другая существенная особенность идей В. Я. Цингера сравнительно съ взглядами обыкновенныхъ кантіанцевъ: въ его міровоззрѣніи какъ бы совсѣмъ отпадаетъ свойственный кантовой философіи *иллюзионизмъ* и *феноменизмъ*. Съ точки зрѣнія Канта, пространство и время существуютъ только для человѣка и пространственный, и временный порядокъ явленій реализуются только въ человеческомъ чувственномъ воспріятіи; дѣйствительность вещей сама по себѣ совершенно имъ чужда. Напротивъ, В. Я. Цингеръ видѣлъ въ пространствѣ истинный корень разумности и необходимой законосообразности во всякомъ бытіи вообще: лишь пространствомъ вносятся непоколебимыя разумныя нормы въ жизнь міра. Въ этомъ отношеніи В. Я. Цингеръ, въ противоположность субъективному идеализму

Канта, является сторонникомъ объективнаго идеализма въ духѣ Шеллинга и Гегеля. Поэтому, съ другой стороны, наша способность умозрительнаго знанія пространственныхъ отношеній служить для него величайшимъ свидѣтельствомъ, не односторонне чувственной, а, наоборотъ, высшей, духовной природы человѣка. Только потому, что въ насъ живетъ частица всемірнаго разума, намъ насквозь пронизуемо ближайшее осуществленіе разума въ мірѣ.

Тѣмъ самымъ въ борьбу В. Я. Цингера съ крайностями эмпирическаго взгляда вносится моральный и даже религіозный мотивъ: В. Я. Цингеръ настаиваетъ, что эмпиризмъ унижаетъ достоинство человѣка, что онъ дѣлаетъ его рабомъ матеріи. Противъ выводовъ эмпиризма возмущается нравственное чувство, такъ какъ отрицаніемъ духовнаго бытія уничтожается единственная прочная опора этики. Наука и знаніе не должны быть рабами опыта. Вѣрно, что наука должна руководиться не матеріальными, а идеальными стремленіями; но еще вѣрнѣе то, что она основывается не на матеріальныхъ, а на идеальныхъ началахъ. Свѣточъ науки—идеаль истины. „Но наука есть только одна изъ сторонъ духовнаго бытія и жизни человѣка; тотъ же идеаль истины является съ другихъ сторонъ, то какъ идеаль красоты и гармоніи, то какъ идеаль добра и чести, правды и человѣколюбія; это одинъ и тотъ же идеаль, тотъ идеаль, передъ которымъ мы всѣ, безъ различія возрастовъ и положеній, безъ различія взглядовъ и убѣжденій, безъ различія заслугъ и талантовъ; благоговѣнно преклоняемся, какъ передъ идеалами божественной мудрости и любви“¹⁾.

Этими прочувствованными словами, въ которыхъ вылились самая душевныя вѣрованія покойнаго В. Я. Цингера, оканчиваетъ онъ свою блестящую рѣчь о „Недоразумѣніяхъ во взглядахъ на основанія геометріи“.

Л. Лопатинъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 11.

О предметѣ психологіи ¹⁾.

Въ настоящей статьѣ я имѣю цѣлью рассмотреть вопросъ о предметѣ психологіи. Положеніе психологіи въ ряду другихъ наукъ все еще остается неопредѣленнымъ потому, что невыясненъ вопросъ, каковъ предметъ ея въ отношеніи къ предмету естествознанія. Если сказать, что предметомъ психологіи является міръ психическій, кореннымъ образомъ отличающійся отъ міра физическаго и именно тѣмъ, что міръ физическій есть міръ „внѣшній“ въ отличіе отъ міра психическаго, который является міромъ „внутреннимъ“, то получается такое представленіе, какъ если бы дѣло шло о двухъ мірахъ, отдѣленныхъ *пространственно* другъ отъ друга. Такое пониманіе нужно считать очень распространеннымъ. Очень многіе въ настоящее время думаютъ, что мысль совершается въ мозгу. Многіе, если и соглашаются съ тѣмъ, что это утвержденіе невѣрно, однако все же считаютъ вполне законнымъ вопросъ: „а *гдѣ* же совершаются психическіе процессы?“ и обыкновенно отвѣчаютъ на него такимъ образомъ, что они совершаются гдѣ-то въ предѣлахъ нашего организма. Изъ такого отвѣта получается представленіе какого-то особеннаго внутренняго психическаго міра, мыслимаго по аналогіи съ физическимъ міромъ, но только меньшаго размѣра. Но дѣйствительно ли такъ нужно понимать отношеніе между явленіями физическими и психическими? Не является ли такое толкованіе отношенія между явленіями физическими и психическими ложнымъ? Для того, чтобы рѣшить этотъ во-

¹⁾ Читано въ Московскомъ Психологическомъ Обществѣ 22 марта 1908 г.

прось, необходимо опредѣлить, что такое „психическій“ въ отличіе отъ „физическаго“. Я не имѣю въ виду выяснять вопросъ о томъ, существуетъ ли душа отличная отъ тѣла и т. п. Моя задача заключается въ томъ, чтобы выяснить вопросъ, что мы называемъ „психическимъ“ въ отличіе отъ „физическаго“. Это я и называю вопросомъ о предметѣ психологіи.

Обыкновенно принято говорить, что между предметомъ психологіи и предметомъ наукъ о природѣ есть то существенное различіе, что предметъ психологіи познается путемъ особаго приѣма, который называется *самонаблюдениемъ*. Такой способъ выраженія нужно считать вполне правильнымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что самонаблюденіе или внутреннее воспріятіе является исходнымъ пунктомъ познанія психическихъ явленій. Совершенно справедливо утвержденіе, что если бы мы даже объективно наблюдали проявленіе психической жизни, напр., у ребенка, у животныхъ, у душевно-больныхъ и т. п., то тѣмъ не менѣе эти проявленія могутъ сдѣлаться для насъ понятными только въ томъ случаѣ, если при истолкованіи ихъ мы воспользуемся тѣмъ, что намъ извѣстно изъ самонаблюденія. Но терминологія, которой мы пользуемся въ этомъ случаѣ, именно когда мы говоримъ, что мы воспринимаемъ при помощи „внутренняго чувства“, „внутренняго опыта“, „внутренняго зрѣнія“ и т. п., нуждается въ ближайшемъ разъясненіи, потому что попытка понимать процессъ такъ наз. внутренняго воспріятія по аналогіи съ процессомъ внѣшняго воспріятія можетъ привести къ ложному истолкованію природы психическихъ процессовъ. Возникаетъ вопросъ, какъ можно было бы истолковать процессъ внутренняго зрѣнія, самонаблюденія.

Прежде всего кажется, что процессъ самонаблюденія даже не можетъ осуществиться, что самое понятіе самонаблюденія есть *contradictio in adjecto*. Въ самомъ дѣлѣ, что долженъ наблюдать умъ въ процессѣ самонаблюденія? Свою собственную дѣятельность. Но для того, чтобы на-

блюдают процессы, въ немъ самомъ происходящія, умъ долженъ на время остановить свою дѣятельность, чтобы имѣть возможность заняться самонаблюденіемъ. Но если умъ прекратитъ свою дѣятельность, то что же въ такомъ случаѣ онъ будетъ наблюдать? Если умъ приостановитъ свою дѣятельность, то и наблюдать ему будетъ нечего. Напримѣръ, я хочу наблюдать чувство гнѣва. Пока я испытываю это чувство, тогда я не могу его наблюдать, но какъ только я перестаю гнѣваться, тогда нечего наблюдать. Далѣе, если процессъ внутренняго воспріятія понимать по аналогіи съ процессомъ внѣшняго воспріятія, то тотчасъ же возникаетъ вопросъ, при помощи какого *органа* осуществляется процессъ самонаблюденія или воспріятія внутреннихъ процессовъ? Вѣдь, если для воспріятія внѣшнихъ процессовъ необходимы органы, то точно такимъ же образомъ и для воспріятія внутреннихъ процессовъ должны существовать такіе же органы или же органъ. „Я хочу показать,—говоритъ Огюсть Контъ,—что это мнимое, непосредственное созерцаніе духа есть чистая иллюзія. Очевидно, что человѣческой духъ можетъ наблюдать всѣ явленія, за исключеніемъ своихъ собственныхъ, ибо чѣмъ можетъ производиться такое наблюденіе? Легко понять, по отношенію къ чувствамъ, что человѣкъ могъ бы наблюдать, напримѣръ, страсти, которыя его возбуждаютъ, по той анатомической причинѣ, что органы, которые являются ихъ мѣстопробываніемъ, отличны отъ тѣхъ органовъ, которые предназначаются для наблюдательныхъ функций“ ¹⁾. Такимъ образомъ кажется, что существованіе особаго органа необходимо для того, чтобы могло осуществиться воспріятіе. Но такъ какъ такого органа отыскать нельзя, то кажется, что и самый процессъ внутренняго воспріятія не можетъ осуществиться.

Но противъ этого возраженія слѣдуетъ сказать: какъ бы ни казался непонятнымъ процессъ самонаблюденія, одно

¹⁾ *Auguste Comte. Cours de philosophie positive, т. I и III.*